

Похоронно-поминальные причитания-плачи в фольклоре эрзи: поэтические приемы и средства

Елена Николаевна Ваганова

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. Причитания-плачи остаются непреходящим национальным достоянием мордовского этноса. Они не только предлагают богатейшую культурно-историческую информацию, но и представляют собой живое бытование прошлого в современности. В статье с опорой на научную литературу и фольклорный материал дается обобщенная характеристика поэтических приемов и изобразительно-выразительных средств, используемых в текстах причитаний похоронно-поминального цикла мордвы-эрзи.

Материалы методы. Исследование совмещает методы описания и сопоставительного анализа. Базой эмпирического материала послужили авторитетные фольклорные собрания, обладающие исключительной историко-культурной и научной ценностью, заимствованные из устно-поэтического творчества мордовского народа, лексика эрзя-мордовского языка, традиции и обряды.

Результаты исследования и их обсуждение. Причитание-плач – важнейший компонент вербального и музыкального кодов похоронно-поминального комплекса. Поэзия плача, сохранившая архаичные черты, придает национальной культуре особое обаяние, подчеркивает ее живое звучание, исконную самостоятельность и оригинальность. Причитания-плачи исполняются для выражения скорби об утрате близкого человека, для них характерна развитая система сравнений и метафор, выполняющих функции образности и иносказательности. Им присуща оценка человеческих достоинств усопшего. Красочность, яркость и выразительность причитаниям придают широко используемые в них традиционные приемы – обращения, сравнения, метафоры, художественные параллелизмы и другие изобразительно-выразительные средства.

Заключение. Мордовская причетная традиция богата средствами выразительности и поэтическими приемами, функционирование которых в структуре фольклорного произведения придает лучшим ее образцам неповторимый национальный колорит. Манера исполнения причитаний имеет локальные традиции, характерные для конкретной местности плачевые напевы. Рассмотренные образы, мотивы, обращения, сравнения, метафоры, олицетворения способствуют постижению глубины духовного мира народа, его мировоззрения.

Ключевые слова: причитания-плачи, мордва-эрзя, фольклор, изобразительно-выразительные средства, метафора, эпитет, сравнение, мотив

Для цитирования: Ваганова Е. Н. Похоронно-поминальные причитания-плачи в фольклоре эрзи: поэтические приемы и средства // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 1. С. 8–19. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.8-19.

Введение

Традиционная мордовская национальная культура формировалась на протяжении многих столетий, являясь отражением многовековой этнической истории, в ходе которой создавались прекрасные образцы устно-поэтического творчества. Фольклорный репертуар эрзи и мокши имеет свои отличительные этнические, культурно-языковые и музыкальные черты, в которых в наибольшей степени сохранились в различных формах проявления архаические элементы традиционной финно-угорской духовной

культуры. Особое место в составе произведений устного народно-поэтического творчества занимают причитания, которые по форме представляют собой импровизационный поэтический текст и сопровождают традиционные свадебные и похоронно-поминальные обряды. Причитания похоронно-поминального цикла образуют ядро архаического пласта этнической культуры, наполненного мифологическими представлениями и импровизационными элементами в соответствии с особенностями поэтики фольклорного

мышления. Истоки жанра причитаний-плачей, ранние формы погребальных обрядов восходят к первобытно-общинной эпохе.

Обзор литературы

Похоронно-поминальные причитания, как и сами обряды, бытующие у мордвы, привлекают внимание лингвистов, фольклористов, культурологов и музыковедов, историков и этнографов. Исследуемый жанр причитаний часто рассматривается в контексте похоронно-поминального комплекса, поскольку поэзия причитаний-плачей генетически восходит к погребальному обряду [11]. Н. Г. Юрченкова сосредоточивается на выявлении сходных общежанровых черт похоронно-поминальных причитаний родственных восточных финно-угорских народов и их национальных особенностей, затрагивает период возникновения причитаний, относя их ко времени существования единой праэтнической общности [16]. Культ поминовения усопших, поверья и суеверия после погребального периода исследует И. И. Потапкин [12]. С. В. Богданкина анализирует изобразительно-выразительные средства мокша-мордовских похоронных причитаний [1]. К поэтике эрзянских поминальных плачей обращаются Е. Н. Мокшина и М. А. Нарватова [9]. Поэтический язык эрзянских причитаний похоронно-поминального цикла, устойчивые мотивы, плачевая культура, лексические средства вербализации плача становились объектом изучения автора статьи [2].

П. С. Шахов, И. В. Зубов исследуют сибирский локус мордвы-эрзи Залесовского Причумышья, анализируют залесовские традиционные похоронно-поминальные причитания с функционально-семантической точки зрения. При этом они отмечают, что «исполнение эрзянских причитаний, духовных стихов вместе с пением православных молитв составляет музыкально-драматургическое оформление похоронно-поминальных ритуалов исследу-

емой традиции» [15, 287]. Аналитическое описание погребального фольклорно-этнографического комплекса по полевым записям в эрзя-мордовских селениях Залесовского района Алтайского края представлено в работе Н. В. Леоновой, П. С. Шахова [7].

Несмотря на обширную научную литературу, посвященную причитаниям-плачам мордвы, существует ограниченное количество работ, сосредоточенных на языке и поэтике данного жанра, на традиционных причетных формулах и приемах. Этим и объясняется актуальность работы. Статья связана с выделением причитания-плача как особого жанра похоронно-поминальной обрядности, а также с изучением семантики текстов, наиболее выразительных поэтических средств, привычного круга поэтических образов и мотивов эрзянских причитаний. Объект исследования – тексты причитаний похоронно-поминального цикла. Материалом для анализа послужили произведения устного народного творчества, лексика эрзя-мордовского языка, традиции и обряды эрзи¹.

Результаты исследования и их обсуждение

По данным лексикографических источников, эрзянская обрядовая терминология, связанная с похоронными причитаниями, представлена следующими понятиями: *лайшема* ‘причитание; оплакивание; плач, рыдание’; *лайшемс* ‘оплакивать, причитать; плакать в голос, рыдать, *гудеть, издавать заунывные звуки’; *лайшевтемс* ‘оплакивать’; *лайшезевемс* ‘начать плакать; зарыдать’; *авардемс* ‘плакать, рыдать’; *аварькс* ‘горе’; *рангома, авардема* ‘воплъ’; *лажамс* ‘оплакивать, печалиться, тосковать’; *лажамо* ‘оплакивание, причитание’; *лажакадомс* ‘зарыдать, заплакать в голос’; *ниреждемс* ‘всхлипывать; рыдать’; *рангомс* ‘кричать; громко плакать’; *куломс* ‘умереть’; *кулозь* ‘умерший’; *вайгель* ‘голос’; *лайшема вай-*

¹ См.: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 1. Эрзянские причитания-плачи. Саранск, 1972 (в дальнейшем ссылки на этот источник будут приводиться в тексте с указанием номера страницы в круглых скобках); Вершинин В. И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Йошкар-Ола, 2004. Т. 1–5; Мордовские загадки. Саранск, 1987; Русско-мокшанско-эрзянский словарь = Рузонь-мокшень-эрзянь валкс: более 14 тыс. слов / сост. В. И. Щанкина, А. М. Кочеваткин, С. А. Мишина. Саранск, 2011; Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1994. Bd. 3 (N – R).

гель ‘голошение’; *кандолазт* ‘гроб’ или *кудо* ‘гроб; изба, дом’; *экишилицят* ‘обмывальщики’; *матедевемс-удомс* ‘заснуть-спать’; *ченярдомс-авардян* ‘плакать-рыдать’; *шлямс-нардамс* ‘обмыть-обтереть’; *пурнамс-сэрьямс* ‘собрать-снарядить’; *оршамс-карксамс* ‘одеть-опоясать’².

Интерес представляет лексический ряд разнообразных глагольных форм, при помощи которых плакальщица описывает обрядовое причитание как действие. В традиционной эрзянской культуре принято дифференцировать обрядовую терминологию, различать обозначения для свадебных (*урнемат*) и похоронно-поминальных (*лайшемат*) причитаний.

Яркой особенностью поэтического языка причитаний является его излишняя атрибутивность. Эпитет считается одним из важных элементов стилистики народно-поэтического текста. Стиль фольклорного произведения характеризуется употреблением постоянных эпитетов, которым свойственны стабильность, отточенность веками, что связано с формировавшейся длительное время традицией. Т. П. Слесарева подчеркивает, что в фольклорном эпитете, как правило, сохраняется лингвистическая архаика, в частности историческая семантика, однако лексико-семантическая структура фольклорного эпитета отличается от структуры соответствующего прилагательного в современном литературном языке [14, 121].

Языковой материал фольклорного произведения позволяет выделить наиболее распространенные в причитаниях эпитеты: *кельме* ‘холодный’, который сочетается с именами существительными *калмо* ‘могила’ (с. 138; 140), *ки* ‘дорога’ (с. 138; 140), *ян* ‘тропа’ (с. 138; 140), *ёжо* ‘самочувствие, состояние; настроение’ (с. 55; 58); *вечной* ‘вечный’ – с существительными *тарка* ‘место, постель’ (с. 128; 132), *кандолазт* ‘гроб’ (с. 137; 139), *удомо* ‘сон’ (с. 23; 32); *вековечной* ‘вечный’ – с существительными *таркине* ‘местечко’ (с. 149; 159), *эрямо* ‘жизнь’ (с. 128; 132), *кандолазт* ‘гроб’ (с. 137; 139), *одежат* ‘одежда’ (с. 24; 33); *пси* ‘горючий’ – с существительным *сель-*

ведть ‘слезы’ (с. 146; 147); *лембе* ‘теплый’ – с существительным *кудо* ‘дом’ (с. 128; 132); *валдо* ‘светлый, чистый’ – с существительными *ойме* ‘душа’ (с. 112; 118), *вальма* ‘окно’ (с. 52; 54); *раужо* ‘черный’ – с существительными *кулома* ‘смерть’ (с. 112; 118), *мода* ‘земля’ (с. 57; 59); *чевте* ‘мягкий’ – с существительным *ацамо* ‘постель’ (с. 137; 139); *паро* ‘хороший’ – с существительным *вакан* ‘миска’ (с. 137; 139); *пижень* ‘медный’ – с существительным *сурсеме* ‘гребень’ (с. 137; 139); *калмонь* ‘могильный’ – с существительным *орта* ‘ворота’ (с. 138; 140); *сиянь* ‘серебряный’ – с существительными *мурь* ‘чурбан’ (с. 138; 140), *вакан* ‘миска’, *блидя* ‘блюдо’ (с. 137; 139); *парсеень* ‘шелковый’ – с существительным *столешикесь* ‘столешица’ (с. 138; 140); *кене* ‘голый’ – с существительным *пильге* ‘ноги’ (с. 146; 147); *ломанень* ‘чужой’ – с существительным *сускомо* ‘кусок’ (с. 146; 147); *мазый* ‘красивый’ – с существительным *какай* ‘дитяtko’ (с. 148; 159); *чачи* ‘родной’ – с существительным *мода* ‘земля’ (с. 149; 159).

Как демонстрирует приведенный список, круг эпитетов замкнут и четко очерчен традицией, немногими средствами обозначается многое. Колоративы – цветные эпитеты – вносят особый вклад в символику причитаний-плачей.

С древних времен смерть представлялась переходом в иной мир. По словам С. Е. Никитиной, «значимым – незначимым может быть и плохое, и хорошее. Смерть, например, в большинстве случаев нечто очень плохое и – очень значимое» [10, 147]. Богатый материал для понимания представлений о существовании после смерти, о взаимосвязанности земного и потустороннего миров, об отражении этих представлений в архаических ритуалах содержится в причитаниях. Согласно архаичным верованиям мордвы, умершие могли не только общаться со своими живыми сородичами, но и влиять на природные явления, способствовать хорошему урожаю, а также взаимодействовать с добрыми и злыми силами – мифологическими существами³.

² См.: Вершинин В. И. Указ. соч.; Русско-мокшанско-эрзянский словарь; Paasonen H. Op. cit.

³ См.: Утраченные обычаи мордовских погребальных обрядов. URL: <https://musei-smerti.ru/utrachennyie-obychai-mordovskih-pogrebalnyih-obryadov> (дата обращения: 10.11.2021).

По народным представлениям, отраженным в причитаниях, смерть имеет антропоморфные черты. Наиболее устойчивыми сочетаниями для ее наименования являются *раужо кулома* ‘черная смерть’, *раужо ёмамо* ‘черная погибель’. Для обозначения смерти широко используются лексемы *оймень саи куломось* ‘душегубица-смерть’, *ёмамо* ‘погибель’.

Показателен следующий пример, в котором описывается приход смерти в дом: *Кода совить, ёмамо, / Тон мазы какам кардайс, / Кода молить, кулома, / Тон пиже какам кенкшензэ лангс, / Кода панжик, ёмамо, / Тон мазы какам / Келейстэ керязь кенкшензэ, / Кода совить, кулома, / Тон пиже какам путонь кудос, / Монь тякам ульнесь, ёмамо, / Ацань-вельтянь таркасо, / Сэрейстэ путозь чевте прялк лангсо. / Тон кода молить, кулома, / Тон сонзэ малас, / Тон кода молить, ёмамо, / Тон сонзэ вакс, / Тон ваньть-арась, кулома, / Монь пиже какам кудонзо? / Тон варитыть-арась, ёмамо, / Пиже какам тяканзо лангс? / Тон варитыть-арась, кулома, / Пиже какам саень поланзо лангс? / Сявордык, кулома, / Тон пайстомо сэрензэ, / Саик, ёмамо, / Тон валдо оймензэ.* «Как вошла ты, погибель, / Во двор любимого дитятко, / Как пришла ты, смерть, / К двери моего любимого сыночка, / Как отворила ты, погибель, / Моего любимого сына / Широко вырубленные двери? / Когда вошла ты, смерть, / В дом любимого дитятко моего, / Мое дитятко лежало, смерть, / На прибранной, постланной кровати, / На высоком мягком изголовье. / Когда подошла ты, смерть, / Поближе к нему, / Когда подкралась ты, погибель, / К нему, / Посмотрела ли ты, смерть, / На дом моего любимого дитятки? / Посмотрела ли ты, погибель, / На моего сына? / Посмотрела ли ты, смерть, / На жену любимого сыночка? / Сгубила ты, смерть, / Моего несчастного, / Отняла ты, погибель, / Его светлую душу!» (с. 149–150; 160–161).

Нередко смерть описывается воинственной, вооруженной косой или острой саблей: *Косто сакинось те смертесь? / Веленть кувалт ютакинось, / Панжадо ортанок годявкинось, / Минек ортаванть совакинось, / Тон васень стречас*

понгокиннить, / Пишти саблянзо таргизе, / Пря куникава эшкинзеть, / Чачи превде маштынзеть. / Пильге ланга эшкинзеть, / Пильге санот керинзе. «Откуда эта смерть явилась? / Вдоль села она прошла, / Наши ворота открытыми оказались, / В наши ворота вошла, / Тебя первого встретила. / Обнажила она острую саблю свою, / По голове тебя ударила, / Лишила тебя разума! / Ударила она тебя по ногам – / Жилы у ног твоих подрезала» (с. 188–189; 190).

Смерть предстает в антропоморфном облике, безобразной и безжалостной, нагоняющей страх и активно уничтожающей жизнь: *Пильгезэть, тетяй, аравлинь, / Обор куломат сон ашти / Пелюманек-саблянек. / Тетяй, се ватось / Пильге санонь керичьясь, / Рунгстот санонь печкициясь. / Пек уш, тетякай, страшной неяви, / Пек уш, тетякай, а мазы. / Секс, а смеян, тетякай, / Мон малазот арамон, / Мон малазот ней самон.* «У ног твоих встала бы я – / Смерть твоя стоит там страшная, / Косами-саблями вооруженная. / Та смерть / Подрезает жилы на ногах, / Во всем теле жилы подрезает. / Очень, батюшка, страшной кажется, / Очень, батюшка, она безобразная. / Потому не смею я, батюшка, / Около тебя встать, / Подойти к тебе поближе» (с. 127–128; 132).

У всех финно-угорских народов, в том числе поволжских финнов, отношение к месту упокоения предков, погребальным и поминальным обрядам всегда было значимым, как и сама смерть. К выбору места погребения мордва относится со всей ответственностью, серьезностью и осторожностью, что можно проследить по произведениям устного народного творчества. Это место должно быть вдали от болотистой местности, ивовых зарослей, оврагов и ям, осины, считающейся у мордвы проклятым деревом: *Шкинень-аванень таркине, / Ваньнь-корьманень местыне. / Илядо варишта чей пуло, / Илядо варишта каль куро. / Вариштадоя поки поляна лугине, / Пиже парсеень тикишине. / Поляннанть куникас ёрынкаать, / Поляннанть куникас вариштынкаать. / Еицё илядо тынь варишта / Лутков-латков таркине, / Ведень чудевкс местыне. / Шкинень авань, монь корьмань, / Мако*

цеят одежанзо, / Илинзе сае пиже черне, / Илинзе вално тюжа илыне. / Еше илызо уль маласо / Пазонь сюдовт пой чувто, / Нишкенъ проклянянь дерева. / Пиря песэнзэ улезэ / Пазонь вечкема кипарисовой чувтыне, / Пельге песэнзэ улезэ / Нишкенъ кельгема дерева, / Мазы умарь чувтыне. «Местечко для моей родной матушки, / Уголочек для моей кормилицы. / Не выбирайте вы болотистое, / Не выбирайте ивняк. / Облюбуйте вы большую поляну-лужок, / Где растет трава, как зеленый шелк. / Посреди поляны заметьте, / Посреди поляны присмотрите! / Еще не выбирайте / Место, где овраги-ямы, / Место водой размытое, / Чтоб у моей матушки, моей кормилицы, / Одежда, как маков цвет, / Не покрылась бы плесенью, / Не затянулась бы желтым илом. / Еще, чтобы не было вблизи / Проклятой богом осины, / Проклятого Нишке дерева, / Чтоб в изголовьи было у ней / Богом любимое кипарисовое дерево, / Чтоб у ног ее было / Дерево Нишке любимое, / Красивая яблоня!» (с. 112–113; 119).

Упомянутые в приведенном фрагменте плача словосочетания *чей пуло, каль куро* уходят корнями к уральскому языку-основе. Этимологический словарь В. И. Вершинина трактует эрзянскую лексему *чей* как ‘осока’⁴. По данным словаря Х. Паасонена, *чей пуло* означает ‘болотистая местность, камышовая заросль’⁵. Слово *пуло* встречается также в писцовых книгах в названии бортовых ухажаев (угодий) мордвы в виде *-бола*, компонент *-пуло* определяется как словообразовательная частица, связанная с собирательностью⁶. По Этимологическому словарю В. И. Вершинина, *каль* – ‘ветла, ива’⁷. Согласно Уральскому этимологическому словарю, лексема *kaľ-kuro* означает ‘заросли ивняка’⁸.

Этнологами и фольклористами подчеркивается высокая степень аксиологичности фольклорных произведений, которая присуща в целом народной культуре и

проявляется в потребности приписывать всем элементам окружающего мира как положительные, так и отрицательные свойства [3, 53; 13]. В поэтическом языке причитаний эрзянского похоронно-поминального цикла присутствует оценочное, эстетически ориентированное восприятие деревьев: *умарь чувтыне* ‘яблоня’ называется красивой (*мазы*), *кипарис чувто* ‘кипарисовое дерево’ – любимым (*кельгема*), *пой чувто* ‘осина’ – проклятой (*проклянянь*). Приведенные эпитеты с положительной и отрицательной коннотацией небезосновательно связаны с почитанием деревьев и их культом.

Ива привязана к влаге, поэтому места произрастания ивовых насаждений – берега и поймы рек, болота – не считаются пригодными для захоронений. Осина, по мнению И. Н. Михалкович, символизирует тоску и печаль, что в какой-то степени обусловлено природными свойствами дерева: дрожанием листьев и ветвей, горьким вкусом коры. «Горькая осина со значением печали входит в символические картины-описания, изображающие определенную ситуацию: горечь и переживания плакальщицы и окружающих» [8, 76]. Такое представление дублируется в мокшанской загадке: *Вирьса сюдов шуфта, / Вармафтома шумнай*. «В лесу проклятое дерево / Без ветра шумит»⁹. В фольклорно-мифологическом восприятии осина преимущественно антропоморфизирована, о чем свидетельствуют мокшанские загадки, в которых она описывается через признаки *трясущийся, дрожащий, поющий, пугливый*, а шелест листвы приравнивается к человеческому пению: *Кивок аф эвфнесы, / А трназь эряй*. «Никто не пугает, / А всегда дрожит»; *Кивок аф эвфнесы, / А сокоты*. «Никто не пугает, / А дрожит»; *И либорди, морай, / И лиемс ёрай, / Вастстонза аф сrxкави*. «И шелестит, и поет, / И летать хочет, / А с места не тронется». В других загадках осина уподобляется девушке: *Вальмала стирня, /*

⁴ См.: Вершинин В. И. Указ. соч. Т. 5. С. 488.

⁵ См.: Paasonen H. Op. cit. S. 1834.

⁶ См.: О происхождении эрзянского слова пуло. URL: <http://paradeev.com/2018/02/181/> (дата обращения: 10.11.2021).

⁷ См.: Вершинин В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 100.

⁸ См.: Uralisches etymologisches Wörterbuch I–VIII / Hrsg. von K. Rédei. Budapest – Wiesbaden, 1986–1991. S. 217.

⁹ Мордовские загадки. Саранск, 1987. С. 52.

Кельмофтомонга сокоты. «Под окном де-вушка, / Без холода дрожит»¹⁰.

Н. А. Криничная считает, что в традиционных воззрениях крестьян всегда присутствует представление о деревьях-людях, деревьях-животных и даже деревьях-людях-животных, а синкретизм различных фито-, зоо-, антропоморфных свойств в единый синтетический образ зиждется на архетипических проявлениях [6, 78].

В поэтическом языке плачей лежит индикаторная речь. Различные табу, связанные с обрядами, способствуют метафорическим заменам слов «смерть», «умереть», «умерший(-ая)», «гроб». Например, возникают семантические ассоциации смерти со сном: *Матедевить-удовить, / Вечной удомсо тон удад.* «Заснула-задремала ты, / Вечным сном спишь!» (с. 23; 32).

В приведенном ниже поэтическом тексте присутствуют мотивы описания 'вечного дома': *Тонеть вечной кудонь тееме / Роднянь лелятне пурнавствь. / Кодат ней ластнэнь мон кармаван? / Ало лазось улезэ пекшень – / Пекшень ёжо – соланя, / Пекшень ёжо – валаня. / Седе чевте теланть улезэ. / Бокаватне улест чачи умаринань, / Лангсо лазось – кипарисовой. / Духовой чине улезэ. / Потмось улезэ оложась, / Лангосо улезэ сёрмадозь!* «Для тебя, родимая, вечный дом / Собрались делать родные дядюшки. / Какие доски велю им [строгать]? / Пусть нижняя доска из липы будет – / Липовая [доска] – мягкая, / [Доска] липовая – гладкая, / Мягче будет твоему телу, / Пусть боковые доски будут из живой яблони, / А крыша чтоб была кипарисовая, / Чтоб приятно пахло от них. / Чтоб внутри они были луженые, / А сверху были расписаны!» (с. 26; 35).

Причитания-плачи отражают народные представления о свойствах и характеристиках деревьев, о чем свидетельствует семантика слов, обозначающих оценку, в таких оппозициях, как хороший – плохой, добрый – злой, правильный – неправильный, красивый – безобразный, любимый – нелюбимый. Народная шкала ценностей признает хорошим то дерево, которое отличается обильным цветением красных

или белых оттенков, возле которого обитают звери и заливаются сладкоголосые соловьи. В противоположность им отрицательной коннотацией обладают деревья, которые произрастают на болотистой местности, с обвисшими ветвями, пожухлой листвой, прогнившей сердцевиной. В причитаниях упоминаются предпочтительные для изготовления гроба породы деревьев: вечнозеленый кипарис, яблоня, липа, что, безусловно, связано с культом деревьев и мифологической покровительницей леса *Вурь-авой* [13]. Кипарис считается самым подходящим деревом для этой цели. Благодаря своей мрачной темно-зеленой листве, негниющей древесине он снискал славу «траурного» дерева.

Мотив перечисления деревьев и их пригодности/непригодности – типичное явление эрзянских причитаний-плачей: *Вечной стройнятнень путьть. / Эзь тук, авкай, мелезнь: / Те ведь чувтось, авкай, / Поки запойс чачокинсь, / Запой куникас касокинсь, / Сэрэнзэ касомс / Кувалманзо ведь чудесь, / Потмаксонзо тина аитесь; / Сэрнень пелев нувараль, / Седеезэ раужоль, / Лопа пелев пужозель. / Кизэ чинень самнестэ / Якстере панчсо эзь панчне, / Ашо тветсэ эзь тветя, / Звернет эзь яксе алганзо, / Цёковт эзь морсе прясонзо; / А кипарис чувтонь гроб алкот, / А ладынь чувтонь боканзо, / А тёсонь чувтонь лангосо.* «Вечный дом рубят. / Не понравился он мне, матушка: / То дерево, моя матушка, / В низине зародилось, / На болоте выросло. / Когда росло оно, / По нему вода текла, / Тиной забивалось нутро его. / Ветви его обвисали, / Серцевина подгнивала, / Листья его были жухлые! / Когда наступали летние дни, / Красным цветом не распускалось, / Белыми цветами не цвело, / Звери дикие не бегали под ним, / Соловьи не пели на нем! / Не из кипариса дно гроба твоего, / Не из ладанного дерева стены, / Не из теса крыша его!» (с. 44; 48).

В эрзянском плаче по матери причитающая сетует на то, что в 'вечном жилище' отсутствуют двери – *якамс-пакамс кенкикезэ*, светлые окна – *валдо зеркала*

¹⁰ Мордовские загадки. С. 52.

вальмазо, лавочки – озадо аштемс эземзэ, теплая печь – лембе каштом: Шкинень, авкай, авакай, / Шкинень авкай, кормакай, / Васькамотне – лелятне / Вечной кудо тетть теить, / Вечной стройня тетть путьть. / Арась, авкай, якамс-пакамс кенкишезэ, / Арась, авкай, валдо зеркала вальмазо, / Еще арась, авкай, / Озадо аштемс эземзэ, / Еще арась, авкай, / Сэреди рунгонь эждемс / Лембе каштом (о) лангозо. «Родимая матушка, матушка, / Родимая матушка, кормилица моя, / Любимые мои дядюшки / Вечное жильё строят тебе, / Вечный дом рубят. / Нету, родимая матушка, / Дверей у него входить-выходить, / Нету, кормилица-матушка, / Светлых, как зеркала, окон у него. / Еще нету, матушка, / Для сидения лавок у него, / Еще нету, родимая, / Теплой лежанки, печной, / Чтоб согреть больное тело твое» (с. 43; 47).

В текстах причитаний встречается также образ гроба с окошком. Мордовские гробы повторяли форму колод и делались с окошечком в крышке или же с символическим обозначением окошечка зарубками или надрезами на плоскости гробовой крышки. На стенках гроба топором, ножом или углем наносилось изображение окон, чтобы покойник в них «смотрел»¹¹. Существовала традиция нанесения родовых знаков на могильных крестах, своего рода обозначения границ территории мертвых¹².

Как свидетельствует следующий фрагмент, в похоронном обряде мордвы при проводах умершего в иной мир большое внимание уделяется выбору одежды, за которую не придется слышать осуждения или испытывать жгучее чувство стыда, болезненные переживания: *Кодат вековечной одежат, / Кодат бесконечной одежат! / Ламо какань орищият! / Ламо какань пурныцят, / Паро тевень теицят. / Ней вансынь, кодат / Бесконечной одежат, / Кодат вечной пурнавксот, / Иля прима виськс ломань икеле, / Иляст ульть берянь одежат. / А примат, авай, виськс, а примат / Вековечной ялгадот – / Мако лопат одежат, / Ашо шелконь тонь саванот. /*

А примат, авай, виськс, а примат. «Какова вековечная одежда твоя, / Как навсегда одели тебя! / Чтоб не стыдно было от людей, / Чтоб не носила одежды плохой! / Не примешь, матушка, стыда, не примешь, / От вековечных подружек своих – / Одежда твоя, как лепестки мака, / Как белый шелк твой саван, / Не примешь, матушка, стыда, не примешь!» (с. 24–25; 34). В народе до сих пор сохраняется устойчивая вера в то, что предстать перед Богом на том свете придется именно в таком одеянии – *вековечной одежат*. «К смерти достойной, человеческой причислялись обязательные ритуалы обмывания покойника, обряжение его в смертную одежду, отпевание, церковная служба и ряд других» [3, 60]. Когда же эти ритуалы не соблюдались, кончина считалась позорной, нехорошей.

Предпочтение отдавалось одежде, сшитой вручную, без швейной машинки, особое значение придавалось времени изготовления одежды, цвету и материалу. Так, Г. А. Корнишина, обращаясь к существующим у финно-угорских народов Урало-Поволжья обычаям готовить «смертную» одежду, отмечает: «Шить ее стараются преимущественно из натуральных материалов: шерсти, ситца, сатина и т. п. Иногда и сейчас пожилые люди изготавливают ее по старинному обычаю: материал не режут ножницами, а рвут; швы прошивают не швейной машинкой, а вручную, при этом стежки направляют только вперед. Считается, что в противном случае умершие будут “возвращаться домой”» [5, 159]. В настоящее время такой наряд, декорированный особыми элементами шитья, стал большой редкостью, архаичные приемы шитья уходят в прошлое, а точная семантика и первоначальный смысл такого искусства постепенно утрачиваются.

По мнению исследователей, в традиционной культуре кладбище представляется святыней, осознается неким «местом контактов между мертвыми и живыми... местом общинного общения живых людей» [4, 117]. С древности считалось, что усоп-

¹¹ См.: Верования и обряды эрзян и мокшан, связанные с умершими. URL: <http://uralistica.com/group/holiday/forum/topics/verovaniya-i-obryady-erzyan-i> (дата обращения: 10.11.2021).

¹² См.: Шамова Л. Н. Эрзянские родовые знаки – тешксы. URL: <https://infourok.ru/user/shamova-liliya-nikolaevna/blog/erzyanskie-rodovie-znaki-teshksi-111961.html> (дата обращения: 10.11.2021).

шие родственники помогают живым при начинании какого-либо семейного или родового дела, содействуют в решении общественных или семейных споров.

Кладбища у мордвы пользовались особым почитанием, в местах захоронений существовал запрет на сенокос, сбор ягод и грибов, рубку деревьев на дрова. Живыми оказывалось почтение умершим предкам в виде ухода за могилой и высаживания ароматических трав, которые наполняли кладбища своеобразной атмосферой. Как видно из приведенного ниже примера, в обращении к умершей матери дочь причитывает о неотложных заботах и предстоящих обязанностях по обустройству могилы. Высаживание благоухающих культур в виде душистого кипариса и чабреца, иначе называемого богородской травой – *цяпор тикше*, служит своеобразной демонстрацией дочерней любви, памяти, веры: *Мезе ней диринь авань / Калмонзо лангс чачовтан? / Мезе ней касовтан? / Цяпор тикше касозо, / Цяпор тикше духовой. / Ютатано кизэнь чине паксява, / Пувиндеряй варма калма ёндо, / Цяпор тикше чине марятан(о) – / Чарькодтяно, авай, тонезэть. / Пря пезэть, авакай, / Кипарис чувто касовтан, / Кипарис чувто духовой. «На могиле родимой матушки / Что я теперь выращу? / Пусть богородская трава вырастет, / Богородская трава душистая, / Пойдем в летний день по полю, / Подует ветер с кладбища, / Запахом богородской травы пахнет – / Вспомним, матушка, о тебе! / У изголовья твоего, матушка, / Кипарисовое дерево посажу, / Кипарисовое дерево душистое!»* (с. 31–32; 40–41).

В репертуаре причитаний встречаются такие фрагменты, когда трудная жизнь усопшей противопоставляется воображаемой спокойной жизни в загробном мире среди красивых яблонь на зеленеющем лугу: *Ков те оймесь теема? / Козонь те рабось пудома? / Пингензэ модемс / Берянь эрямо сон зрясь, / Берянь векке сон и пекхсь. / Адыдо пудынк / Пижезеленой луга лангс / Мазы умарень чувто юткс.* «Куда нам эту душу деть? / Куда эту рабу определить? / До скончания века своего / Трудную жизнь она прожила, / Трудную пору промаялась. / Давайте положим

ее / На луг, зеленеющий кругом, / Среди красивых яблонь» (с. 43; 46–47).

В приведенных далее фрагментах причитаний представлены такие тропы, как синтаксический параллелизм, повторы, метафоры и образные сравнения, выполняющие оценочную функцию: *Вайх, авакай, корьмакай, / Ужо, авакай, простясынь / Ламонь яки пильгинеть, / Сиянь копейкат кенжинеть. / Ещэ, авакай, простясынь / Кавто кунды кединеть. / Ещэ, авакай, простясынь / Дёлямо-балямо кедь кунишкат. / Ещэ, авкай, простяса / Чевте кенерькундынетъ; / Ещэ, авкай, простяса / Ламонь мари седееть, / Седееть, седей кунишкитеть; / Ещэ, авкай, простяса / Ламонь корты кургинеть, / Мако лопат турвинеть. «Ох, матушка, родимая моя, / Ужо, матушка, попрощаюсь / С натруженными ногами твоими, / С ноготками – серебряными монетами! / Еще, матушка, попрощаюсь / С заботливыми руками твоими! / Еще, матушка, попрощаюсь / С ладонями, которые баюкали! / Еще, матушка, попрощаюсь / С ласковыми объятьями твоими! / Еще, матушка, попрощаюсь / С многочутким сердцем твоим, / С сердцевиночкой сердца твоего! / Еще, матушка, попрощаюсь, / С многоречивыми устами твоими, / С устами твоими – лепестками мака! (с. 103; 110); Ох, авакай, шкинекай, / Ох, авакай, корьмакай! / Ужо, авакай, тирямонь кис лажатан, / Кастомань кис авардтян. / Ванан, авакай, кода пурназят-сэрнязят, / Кода оршазят-карязят. / Ашо коцташкит – пильгинеть, / Московский картъ – котынетъ, / Потмо рисьметъ тонь карькскетъ, / Мако лопа – пацинеть, / Мако лопа – руцинеть. / Липнезь липни пацинеть. «Ох, матушка, родимая моя, / Ох, матушка, кормилица моя! / Поплачу за то, что воспитала меня, / Попричитаю за то, что вырастила меня! / Посмотрю, матушка, как ты одета-наряжена, / Как ты одета-обута. / Как скатка холста обмотаны ноги твои, / Словно московские коты, лапты твои, / Словно цепочки, оборы твои, / Словно маков цвет, платочек твой, / Словно цветок мака, платье твое, / Колышется-волнуется платочек твой!» (с. 56; 58); Качамнес лисят, авакай, / Валдо горница кудостот, / Кснавнекс певерят, авакай, / Кустема тон певат. «Словно дым,*

выходишь, родная матушка, / Из светлой горенки – дома своего, / Словно горошина, ты катишься / По крыльцу своему ты на улицу» (с. 44–45; 48); *Вейкенек туи дикой степка сон звернекс, / Норовтомо ривеськекс. / Вейке кадови тижэ лугава съкамонзо ливтни нармушкакс / Вирь чиресэ килей прясо съкамонзо кукорды кукинекс.* «Я одна теперь пойду по дикой степи, словно зверек, / Словно лиса, оказавшаяся без норы, / Я одна теперь останусь над зеленым лугом / Летать одинокой птицею, / Одинокой кукушкой на березе, / Растущей у опушки!» (с. 191–192).

Одним из основных выразительных средств языка эрзянских причитаний являются дилексемные комплексы. В приведенных примерах дилексемное слово *пурнамс-сэрямс*, согласно Этимологическому словарю В. И. Вершинина, означает ‘собирает наилучшим образом, украшать, наилучшим образом проводить в последний путь’¹³. *Orčams-karams / оршамс-карямс*, по словарю Х. Паасонена, связано ‘с тщательным процессом одевания, наряжением’¹⁴. *Дёлямо-балямо* образовано путем сложения двух основ глагольной форм: *балямс* ‘бить палкой’ / *балявтомс* ‘ударить’ и *дёлямс* ‘лежать, холить’¹⁵. Во время игры с ребенком его держат на коленях, время от времени подбрасывают вверх со словами *дёли-дёли-дёшке*.

Характерной чертой причитаний-плачей является их построение в форме обращений. В причитаниях, исполняющихся при похоронном обряде, причитывающая постоянно обращается к умершему человеку: *Ох, эйднемат, левкскемат, / Чарады чинем, цёрынем.* «Ох, сыночек, дитяtko мое, / Дитяtko – солнце восходящее мое» (с. 146–147); *Ох, авакай, корьмакай! / Ох, авакай, тирякай! / Ох, авакай, ванынем, / Авакай – ашо палинем, / Авакай – чевте руцинем, / Авакай – ашо ловсынем, / Корьмакай – тюжа оинем. / Авакай, жалньне маряват, / Авакай, мила неяват.* «Ох, матушка, кормилица, / Ох, матушка, родимая моя! / Матушка, родительница! / Матушка – рубашка моя белая, / Матушка – ты

платье мое красивое, / Матушка – молочко мое белое, / Кормилица – маслице мое желтое! / Матушка, любимой ты мне кажешься, / Матушка, милой ты мне видишься!» (с. 49; 50–51).

В мифопоэтическом представлении пространства дорога в иной мир оказывается одним из основных мотивов причитаний. Дорога как медиатор двух сфер, жизни и смерти, этого мира и «того», своего и чужого с задействованным для описания тернистого пути пластом лексики – *чопода вирьга* ‘дремучий лес’, *келей ведень трокс* ‘через широкую воду’, *темной вирьга* ‘темный лес’ – занимает важное место в поэтических текстах причитаний: *Можо тоначив модемстэ, / Чопода вирьга модемстэ, / Келей ведень трокс ютамсто, / Темной вирьга ютамсто / Кедь пезэть саик палкинекс, / Келей ведень трокс печкемстэ / Пильгалгат саик сэдинекс.* «Может, отправляясь на тот свет, / Шагая по глухим лесам, / Переправляясь через широкую воду, / Проходя темными лесами, / В руки возьми посох, / Пересекая реки, / Как мостик для переправы используй» (с. 117; 123).

Из мотива переправы через реку, хождения души на «том свете» выясняется, что путь в загробный мир оказывается долгим и трудным, связан с преодолением множества препятствий природного происхождения. Путь туда души умершей лежит через темные непроходимые леса, водные просторы, а спасением служит палочка, через которую, как через мостик, можно переправиться на «тот свет». Поэтические тексты причитаний актуализируют идею местонахождения «того света» – *тоначи*.

Заключение

Причитание-плач – важнейший компонент вербального и музыкального кодов похоронно-поминального комплекса. Эрзянская причетная традиция богата средствами выразительности и поэтическими приемами, функционирование которых в структуре фольклорного произведения придает лучшим ее образцам неповторимый национальный колорит. Манера ис-

¹³ Вершинин В. И. Указ. соч. Т. 4. С. 420.

¹⁴ См.: Paasonen H. Op. cit. S. 1463.

¹⁵ См.: Вершинин В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 27, 65.

полнения причитаний имеет локальные традиции, характерные для конкретной местности плачевые напевы. Рассмотренные образы, мотивы, обращения, сравне-

ния, метафоры способствуют постижению глубины духовного мира народа, его мировоззрения, а также художественному обогащению жанровой природы причитаний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богдашкина С. В. Поэтическая лексика мокша-мордовских похоронных причитаний // Гуманитарные науки и образование. 2015. № 3. С. 128–131.
2. Ваганова Е. Н. Поэтический язык эрзянских причитаний похоронно-поминального цикла // Финно-угорский мир. 2017. № 2. С. 111–122.
3. Виноградова Л. Н. Концептуализация понятий «добра» и «зла» в малых фольклорных жанрах (благопожелания и проклятия как аксиологические тексты) // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре: сб. ст. М., 2015. С. 53–80.
4. Добровольская В. Е. Кладбище как место встречи живых и мертвых: правила, регулирующие взаимоотношения двух миров в традиционной культуре Центральной России // Slověne. 2013. Т. 2, № 1. С. 111–122.
5. Корнишина Г. А. Знаково-символические функции одежды в похоронно-поминальной обрядности финно-угорских народов Урало-Поволжья // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 4. С. 157–162. DOI: 10.26105/SSPU.2021.75.6.001.
6. Криничная Н. А. Дерево-человек: К проблеме синкретизма и дифференциации фитоантропоморфного образа (по материалам нарративного фольклора Карелии) // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2010. № 4. С. 77–85.
7. Леонова Н. В., Шахов П. С. Похоронный фольклорно-этнографический комплекс как обрядовый текст (на примере локальной эрзя-мордовской традиции сибирского бытования) // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 191–219. DOI: 10.25205/2307-1737-2020-2-191-219.
8. Михалкович И. Н. Реминисценция образа дерева в мифологии и фольклоре мордвы // Вестник Мордовского университета. 2000. № 3–4. С. 72–77.
9. Мокшина Е. Н., Нарватова М. А. Поэтика эрзянских поминальных плачей // XLIX Огарёвские чтения: материалы науч. конф. Ч. 3. Гуманитарные науки. Саранск, 2021. С. 146–150. URL: <https://mrsu.ru/upload/iblock/b30/s814315zmq66dal1of38gxmejgwfmqwy/Gumanitarnyy-OCH-20-red.pdf> (дата обращения: 25.11.2021).
10. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 187 с.
11. Обряды и фольклор мордвы-мокши: теория и практика проблемы (по фольклорно-этнографическим материалам Зубово-Полянского района Республики Мордовия) / В. И. Рогачев, А. Д. Шуляев, С. В. Богдашкина [и др.]. Саранск, 2012. 380 с.
12. Потапкин И. И. Поверья и суеверия мордвы в обрядах поминовения усопших // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. Т. 11, № 1. С. 98–104. DOI: 10.22162/2075-7794-2018-35-1-98-104.
13. Рогачев В. И., Ваганова Е. Н., Мингазова Л. И. Функционирование растительного кода в традиционной культуре народов Поволжья (на примере фольклора мордвы-эрзи и мокши) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, № 3. С. 439–445. DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-3-439-445.
14. Слесарева Т. П. Семантика фольклорных эпитетов в былинных текстах // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 121–124.
15. Шахов П. С., Зубов И. В. Похоронно-поминальные причитания мордвы-эрзи Залесовского Причумышья: функционально-семантический аспект // Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 273–296. DOI: 10.25205/2307-1737-2021-2-273-296.
16. Юрченкова Н. Г. Традиция бытования причитаний у восточных финно-угорских народов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 3. С. 114–122.

Поступила 28.11.2021; одобрена 12.12.2021; принята 13.01.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Е. Н. Ваганова – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, waganowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8941-846X>

Funeral and memorial lamentations in the folklore of Mordva-Erzya: poetic devices

Elena N. Vaganova

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Introduction. Lamentations remain an enduring national treasure of the Mordovian ethnos. They do not only offer the richest cultural and historical information, but also represent a living existence of the past in modern times. Based on the research and the folklore material, it gives a generalized characteristic of poetic devices and visual and expressive means used in the texts of the lamentations of the funeral and memorial cycle of Mordva-Erzya.

Materials and Methods. The study combines methods of description and comparative analysis. The basis of the empirical material was reliable folklore collections with exceptional historical, cultural and research value, borrowed from the oral and poetic creativity of the Mordovian people, the vocabulary of the Erzya language, traditions and rituals.

Results and Discussion. Lamentations is the most important component of the verbal and musical codes of the funeral and memorial complex. The poetry of lamentation, which has preserved archaic features, gives the national culture a special charm, emphasizes its lively sound, primordial independence and originality. Lamentations are used to express grief at the loss of a beloved one, and they are characterized by a well-developed system of comparisons and metaphors that perform the functions of imagery and allegory. Special colorfulness, brightness and expressiveness in lamentations are given by the traditional techniques widely used in lamentations: appeals, comparisons, metaphors, artistic parallelisms and other visual and expressive means.

Conclusion. The Mordovian religious tradition is rich in means of expression and poetic techniques, the functioning of which in the structure of folklore work gives its best samples a unique national flavor. The manner of performing lamentations has local traditions, lamentable melodies typical for a particular locality. The considered images, motives, appeals, comparisons, metaphors, personifications, contribute to understanding the depth of the spiritual world of the people, their worldview.

Keywords: lamentations, Mordva-Erzya, folklore, figurative and expressive means, metaphor, epithet, comparison, motive

For citation: Vaganova EN. Funeral and memorial lamentations in folklore of Mordva-Erzya: poetic devices. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;1:8–19. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.8-19.

REFERENCES

1. Bogdashkina SV. Poetic vocabulary of Moksha-Mordovian funeral lamentations. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2015;3:128–131. (In Russ.)
2. Vaganova EN. Poetic language in Mordva-Erzya lamentations of funeral cycle. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2017;2:111–122. (In Russ.)
3. Vinogradova LN. Conceptualization of the concepts of “good” and “evil” in small folklore genres (good wishes and curses as axiological texts). *Kategorija otsenki i sistema tsennostei v iazyke i kul'ture: sb. st.* = Evaluation category and value system in language and culture. Collection of articles. Moscow; 2015:53–80. (In Russ.)
4. Dobrovol'skaia VE. The cemetery as a place where the living meet the dead: prescriptions for relations between the two worlds in the traditional culture of Central Russia. *Slověne*. 2013;2;1:111–122. (In Russ.)
5. Kornishina GA. Sign and symbolic functions of clothes in burial and funeral ceremonies of Finno-Ugric peoples of the Urals and Volga region. *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = The Surgut State Pedagogical University Bulletin. 2017;4:157–162. (In Russ.). DOI: 10.26105/SSPU.2021.75.6.001.
6. Krinichnaia NA. Tree man: on the problem of syncretism and differentiation of the phyto-anthropomorphic image (based on narrative folklore materials from Karelia). *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* = Transactions of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. 2010;4:77–85. (In Russ.)
7. Leonova NV, Shakhov PS. Funeral folklore-ethnographic complex as a ritual text (on example of the local Erzya-Mordovian tradition of Siberian existence). *Kritika i semiotika* = Critique and Semiotics. 2020;2:191–

219. (In Russ.). DOI: 10.25205/2307-1737-2020-2-191-219.
8. Mikhalkovich IN. Reminiscence of the image of a tree in the mythology and folklore of the Mordovians. *Vestnik Mordovskogo universiteta* = Mordovia University Bulletin. 2000;3–4:72–77. (In Russ.)
 9. Mokshina EN, Narvatova MA. Poetics of Erzya memorial lamentations. *XLIX Ogarevskie chteniia: materialy nauch. konf. Gumanitarnye nauki* = XLIX Ogarev Readings. Materials of scientific conference. Humanities. Saransk; 2021;3:146–150. URL: <https://mrsu.ru/upload/iblock/b30/s814315zmq66dal1of38gxmejgwfmqwy/Gumanitarnyy-OCH-20-red.pdf> (accessed 25.11.2021). (In Russ.)
 10. Nikitina SE. Oral folk culture and linguistic consciousness. Moscow; 1993. (In Russ.)
 11. Rogachev VI, Shuliaev AD, Bogdashkina SV, et al. Ceremonies and folklore of the Mordva-Moksha: theory and practice of the problem (based on folklore and ethnographic materials of the Zubovo-Polyansky district of the Republic of Mordovia). Saransk; 2012. (In Russ.)
 12. Potapkin II. Commemoration of the dead: beliefs and superstitions of the Mordvins. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* = Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences. 2018;11;1:98–104. (In Russ.). DOI: 10.22162/2075-7794-2018-35-1-98-104.
 13. Rogachev VI, Vaganova EN, Mingazova LI. The vegetal code functioning in the traditional culture of the peoples of the Volga Region (on the example of the folklore of the Mordva-Erzya and Moksha). *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2019;13;3:439–445. (In Russ.). DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-3-439-445.
 14. Slesareva TP. Semantics of the folkloric epithets in bylina texts. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. A. Gumanitarnye nauki* = Herald of Polotsk State University. Series A. Humanity sciences. 2011;2:121–124. (In Russ.)
 15. Shakhov PS, Zubov IV. Funeral and memorial lamentations of Erzya Mordvins of Zalesovskoe Prichumyshe: functional and semantic aspect. *Kritika i semiotika* = Critique and Semiotics. 2021;2:273–296. (In Russ.). DOI: 10.25205/2307-1737-2021-2-273-296.
 16. Iurchenkova NG. The tradition of the existence of lamentations among the eastern Finno-Ugric peoples. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia* = Bulletin of the Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. 2021;3:114–122. (In Russ.)

Submitted 28.11.2021; reviewing 12.12.2021; accepted 13.01.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

E. N. Vaganova – Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of German Philology, National Research Mordovia State University, waganowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8941-846X>